

Ф. В. Кувшинов

*Липецкий институт кооперации (филиал)
Белгородского университета кооперации, экономики и права*

Из заметок о Д. И. Хармсе (Хармс и Гоголь)

Рассматриваются возможные источники некоторых произведений Д. И. Хармса в контексте творчества Н. В. Гоголя, который являлся одним из самых почитаемых писателей русского абсурдиста. Несмотря на явные сюжетные аллюзии, эти произведения Хармса остались не замеченными комментаторами и исследователями творчества поэта. Вместе с тем зачастую анализ текстов Хармса уходит из собственно области литературы в область философии и культурологии. При этом при прочтении некоторых произведений писателя возникает навязчивое ощущение знакомства с тем или иным текстом. Произведения Хармса часто представляют собой концентрацию литературных сюжетов и образов, в данном случае гоголевских. Именно в контексте гоголевских шедевров заново «прочитаны» такие тексты, как «Однажды я пришел в Госиздат...», «Жили в Киеве два друга...», «История Сыдыр Аппр», «Воспоминания одного мудрого старика», «Одному французу подарили диван...».

Ключевые слова: Д. И. Хармс, Н. В. Гоголь, К. Прутков, Ф. М. Достоевский, «чинари», литературная традиция.

Многочисленные аллюзии в произведениях Д. И. Хармса иногда очевидны, иногда завуалированы, иногда вообще трудно различимы. Однако при прочтении некоторых произведений писателя возникает навязчивое ощущение знакомства с тем или иным текстом. При этом традиционный анализ, построенный на поиске этих аллюзий в предшествующей литературе, зачастую отвергается исследователями, которые считают, что для прочтения хармсовских текстов, в силу их неординарности, необходимы новые подходы. Одним из таких методов является интерпретация произведений Хармса в широком философском контексте [Ямпольский, 1998] или в контексте поэтики других абсурдистов [Токарев, 2002]. Но и подобные подходы не вполне удовлетворяют специалистов. Так, И. В. Кукулин задается вопросом, «что делать с этими текстами и в какой контекст их поместить» [1997, с. 8]. Н. А. Масленкова же вообще считает, что тексты Хармса

Кувшинов Феликс Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарно-социальных дисциплин Липецкого института кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (ул. Зегеля, 25а, Липецк, 398050, Россия; f.kuv@yandex.ru)

«не могут быть интерпретированы в рамках традиционных подходов» [Масленкова, 2000, с. 5].

И все же традиционный метод «детективного» прочтения приносит свои положительные плоды. Именно это доказал в известной статье «Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса» Л. С. Флейшман [Флейшман, 1987], в которой исследователь дает блестящий анализ произведения Хармса, доказывая таким образом, что тексты этого писателя и поэта могут быть интерпретированы и методом традиционного историко-литературного анализа.

В рамках подобного подхода обыкновенно работают комментаторы творчества Д. И. Хармса, которые проделывают громадный труд, поясняя «темные места». Здесь в первую очередь следует назвать В. Н. Сажина, М. Б. Мейлаха, А. А. Кобринского, А. Б. Устинова, Ж.-Ф. Жаккара. Именно комментарии являются примером классического исследования текста в рамках истории литературы.

Все это приводит к мысли исследовать некоторые произведения Хармса с точки зрения их связи с литературными предшественниками, т. е. в рамках традиционной практики анализа текста.

В качестве примера работоспособности такого подхода хотелось бы обратиться к миниатюре «Сундук», в которой прослеживается на сюжетообразующем уровне несомненное влияние К. Пруткова.

Как известно, хармсовский «Сундук» повествует о чудесном предотвращении смерти (хотя и это остается не вполне ясным). Подобный сюжет мы встречаем у Пруткова в «Сродстве мировых сил». Поэт, главный герой «Мистерии в одиннадцати явлениях», совершает неудачную попытку самоубийства через повешение.

Поэт

(сидя)

Я жив!.. И снова вижу землю... Землю!..

Но в эту ночь успел я заглянуть

Туда: «в тот мир, откуда к нам никто

Еще не возвращался!» – как сказал

Шекспир Вильям, собрат мой даровитый!

Но, быв уж там, откуда я вернулся.

(Встает на ноги)

О, что я видел, люди!! Что я видел!!

На воздухе!.. с вершины дуба!.. в петле!..

О, что я видел там!! Что видел мельком!!

Когда-нибудь я в гимнах вдохновенных

Попробую о том поведать миру.

(Задумывается)

Однако же... ведь я уже висел...

И вот стою! и жив и невредим!

Как этому не подивиться диву?! [Сочинения К. Пруткова, 1996, с. 254]

Персонаж хармсовского «случая» также находится в недоумении по поводу удивительной победы жизни над смертью (или наоборот!), хотя и он, подобно Поэту, успел заглянуть «туда»:

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло? Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу все, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

– Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом [Хармс, 2000, т. 2, с. 314] ¹.

Несколько раз подчеркиваемая Хармсом деталь портрета героя – тонкая шея (4 упоминания) – является отсылкой именно к Пруткову, так как его Поэт пытался повеситься. У Хармса «человек с тонкой шеей» сообщает: «*Кажется, у меня болит шея*» [Там же].

Вместе с тем видение «того» мира героем Пруткова напоминает еще один известный текст Хармса («Макаров и Петерсен № 3»), персонаж которого видит загадочные шары.

Стоит напомнить, что К. Прутков (а точнее – А. Жемчужников ²) очень почитался Хармсом. Так, 14 ноября 1937 г. Хармс делает запись, согласно которой Прутков стоит на втором месте (после Гоголя) среди его любимых писателей [Хармс, 2002, кн. 2, с. 196].

В качестве другого примера внимательного прочтения Хармса можно указать на рассказ 1936 г. «Что теперь продают в магазинах». Возможно, сюжет рассказа восходит к одному из анекдотов Н. Кукольника, из которого приведем отрывок.

Старший Невахович был чрезвычайно рассеян. Случилось ему обещать что-то Каратыгину 2-му, и так как он никогда не исполнял своих обещаний, то и на этот раз сделал то же...

При встрече с Каратыгиным он стал извиняться.

– Виноват, тысячу раз виноват. У меня такая плохая память!.. Я так рассеян... [Кукольник, 1997, с. 108]

В рассказе Хармса мы, помимо одноименного персонажа – Коратыгина, встречаемся с похожим сюжетом: Коратыгин ждет Тикакеева, который, по его мнению, не исполнительен, что становится причиной буффонного конфликта. Характерная для Хармса инверсия превращает рассеянного и пассивного Неваховича в опоздавшего и агрессивного Тикакеева.

Сложно уверенно утверждать о знании Хармсом сборника анекдотов Кукольника, однако совпадение впечатляет.

В своей работе, которую лучше определить как возможный конспект будущего большого исследования, в качестве «генератора» художественных «открытий» Хармса мы хотели бы указать в первую очередь на Н. В. Гоголя. Из записных книжек Хармса становится совершенно ясным, что классик русской литературы занимал главное место в иерархии любимых писателей Хармса:

¹ Тексты Хармса цитируются в соответствии с авторским написанием, которое сохранено в собраниях сочинений.

² В письме к своей тетке Н. И. Колюбакиной от 21 сентября 1933 г. Хармс пишет: «Дорогая Наташа, спасибо за стихи Жемчужникова. Это именно Жемчужников, но отнюдь не Прутков. Даже если они и подписаны Прутковым, то все же не прутковские» [Хармс, 2001, с. 56].

Вот мои любимые писатели:

Человечеству: Моему Сердцу:

1). Гоголь. 69 69
[Хармс, 2002, кн. 2, с. 196].

Если отбросить древних, о которых я не могу судить, то истинных гениев наберется только пять, и двое из них русские. Вот эти пять гениев-поэтов: Данте, Шекспир, Гете, Пушкин и Гоголь [Там же, с. 61]³.

Среди «чинарей» вообще был распространен культ Гоголя, что видно из «Разговоров» Л. С. Липавского. Приведем ряд высказываний.

Я. С. Друскин⁴: «Я. С. сказал: Есть три писателя – Сервантес, Гоголь и Чехов» [Липавский, 2000, с. 177].

Н. М. Олейников: «Найти условный знак, вполне точный. Гоголь и Хлебников его, например, не нашли. Все вещи Гоголя, конечно, не то, что нужно было ему написать, они действуют только какой-то своей эманацией» [Там же, с. 207].

Л. С. Липавский: «Когда читаешь ее (имеется в виду поэма «Мертвые души»; конкретно – второй том. – Ф. К.), точно всходишь на высокую гору; понятно становится, почему Гоголю казались недостойными все его прошлые вещи» [Там же].

Следы ориентации Д. И. Хармса на Н. В. Гоголя прослеживаются во многих текстах, на что уже были указания, например, А. Г. Герасимовой [Герасимова, 1995]⁵. Однако нам хотелось бы обратиться к еще не анализировавшимся в данном контексте произведениям.

В третьем рассказе микроцикла «Однажды я пришел в Госиздат...» Д. И. Хармс пишет о Л. С. Липавском:

Теперь я все понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец [Хармс, 2000, т. 2, с. 296].

Думается, что логика юмористического описания Л. С. Липавского восходит непосредственно к Гоголю. Обратимся к двум текстам. Первый – из «Ночи перед Рождеством», где следующим образом описывается черт:

Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке [Гоголь, 1984, т. 1, с. 154].

Второй – из «Пропавшей грамоты», где также описываются черти и также подчеркиваются их «немецкие ноги»:

³ Интересно, что в данном случае Хармс просто разрешает проблему иерархичности среди почитаемых им писателей, расставляя имена в хронологическом порядке; об этом свидетельствует тот факт, что поначалу Хармс стал писать имя Шекспира и успел написать две буквы, но, зачеркнув их, начал свой список в правильном порядке, с Данте.

⁴ По словам М. С. Друскина, брата философа, он пережил «полосу сильного увлечения Гоголем – в тридцатые годы; очень читал его и позднее» [Друскин, 1999, с. 34].

⁵ Существует еще одна работа, правда, общего характера, посвященная сравнительному анализу поэтики Гоголя и Хармса: [Шмидт, 2010].

На деда, несмотря на весь страх, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм... [Гоголь, 1984, т. 1, с. 144].

Явной аллюзией на Гоголя является стихотворение Хармса «Жили в Киеве два друга...».

*Жили в Киеве два друга
Удивительный народ
Первый родиной был с юга
А второй – наоборот*

*Первый страшный был обжора
А второй был идиот.
Первый умер от запора
А второй – наоборот* [Хармс, 2000, т. 1, с. 299].

При чтении этого стихотворения в первую же очередь вспоминается гоголевская «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», которая наполнена деталями, непосредственно отразившимися в тексте Хармса. Во-первых, это, конечно, географические пометы – Киев у Хармса и украинский Миргород Гоголя. Во-вторых, это мотив и характер противопоставления. При этом присущая поэтике Хармса гиперболизация превратила одного из «друзей» в обжору на том основании, что «Иван Иванович очень сердится, если ему попадет в борщ муха» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 190], а мотив испражнений, очевидно, вырос из-за опровержения гоголевским рассказчиком слухов, будто «Иван Никифорович родился с хвостом назад» [Там же, с. 189]. Сама же необоснованность сравнительного противопоставления («Первый страшный был обжора / А второй был идиот») в своем механизме идентична знаменитому гоголевскому пассажи:

Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением [Там же, с. 190].

С этой гоголевской повестью, очевидно, связано и раннее произведение Хармса «История Сдыгр Аппр». Здесь несчастному профессору Тартарелину откусывает ухо Петр Павлович, который настолько неугомонен в своей idea fix, что в конце произведения лишает ушей не только профессора, но и остальных персонажей (милиционеров Володю и Сережу, Андрея Семеновича, жену профессора и карабистра).

Тут вдруг Петр Павлович наклонился к профессору и откусили ему ухо.
<...>

Андрей Семенович (вскакивая): *Ффу! Ну и сон-же видел, буд-то нам все уши пообрывали.* (Зажигает свет).

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши [Хармс, 2000, т. 2, с. 21, 26].

В начале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» читателю рассказывается об Агафии Федосеевне, которая «откусила ухо у заседателя» [Гоголь, 1984, т. 2, с. 186]. Мотив нанесения вреда человеческому уху в русской литературе в дальнейшем встретится у Достоевского: в романе «Бесы» Ставрогин кусает за ухо губернатора [Достоевский, 1994, с. 50]. Правда,

именно это произведение Достоевского Хармс мог прочитать только в 1933 г. (об этом свидетельствует его список книг, которые он считал должным прочитать, отраженный в одной из записных книжек писателя [Хармс, 2002, кн. 2, с. 45]), но мог слышать об этом моменте из уст своих знакомых.

В середине 1930-х гг. Хармс создает рассказ «Воспоминания одного мудрого старика», который становится в один ряд с многочисленными произведениями, развивающими тему недочеловека (термин Я. С. Друскина). Однако у хармсовского персонажа есть реальный литературный прототип. Имеется в виду шестая глава «Мертвых душ», посвященная Плюшкину.

Хармс описывает встречу своего персонажа с мошенником, выдающего себя за брата главного героя:

Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но все же хорошей ватной шубе.

– Что вам от меня нужно? – спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

– А ты что не оборачиваешься, когда тебя окликают? – спросил он.

Я задумался над содержанием его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

– Да ты что? Не узнаешь что ли меня? Ведь я твой брат [Хармс, 2000, т. 2, с. 190].

Описываемая Хармсом ситуация удивительным образом совпадает с той, в которой оказался несчастный Плюшкин с появлением неожиданного племянника:

– Вот возле меня живет капитан; черт знает его, откуда взялся, говорит – родственник: «Дядюшка, дядюшка!» – и руку целует... [Гоголь, 1984, т. 5, с. 121–122]

Кроме того, указание на возраст («пожилой человек») и одежду («поношенная») также сближают Плюшкина и хармсовского персонажа.

С другой стороны, Гоголем подчеркивается, что ранее Плюшкин был весьма солидным и успевающим человеком, толково разбирающимся в делах. По крайней мере, настолько, чтобы вызвать к себе уважение в помещицкой и чиновничьей среде:

– А! от Плюшкина. Он еще до сих пор прозябает на свете. Вот судьба, ведь какой был умнейший, богатейший человек! А теперь... [Там же, с. 144]

Былая мудрость своего персонажа подчеркивается и Хармсом. Рассказ начинается со следующего заявления: «Я был очень мудрым стариком» [Хармс, 2000, т. 2, с. 188]. Сближает также Плюшкина и хармсовского персонажа мотив семейных отношений. Как известно, Плюшкин овдовел и постепенно его семья полностью распалась. Схожую ситуацию наблюдаем и у «мудрого старика»:

Я был женат, но редко видел свою жену. <...> Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла; точно не помню [Там же, с. 189].

С Гоголем, а именно с гоголевскими «Мертвыми душами» связан, конечно, и хармсовский рассказ «Одному французу подарили диван...». Лихорадочное метание француза между диваном, креслом и стульями, невозможность спокойно уснуть на одном месте, не принявшись заново пробовать прелести новообретенной мебели, совершенно идентичны «приехавшему из Рязани» беспокойному поручику из «Мертвых душ», где этот поручик описывается как:

...большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук [Гоголь, 1984, т. 5, с. 153].

Исследование творчества Д. И. Хармса таит в себе множество открытий. Хармсовские тексты, порой предельно лаконичные, представляют собой концентрацию литературных и культурных идей, образов и именно поэтому являются богатым для исследования материалом. Краткость слога Хармса лишь только разжигает азарт, который, к сожалению, иногда уводит исследователей далеко за пределы литературы, превращая писателя в некую философскую энциклопедию. Наша работа является попыткой объяснить тексты писателя сквозь призму русской литературной классики (хотя поиск источников сюжетов и образов хармсовских произведений находится и в современной ему русской литературе, и в западной литературе, и в фольклоре и т. д.). Здесь мы имеем дело с типичной для модернизма обработкой литературной традиции в игровой форме. Тем более типичной, когда речь заходит о Хармсе. Достаточно вспомнить его буффонаду «Пушкин и Гоголь». С одной стороны, перед нами продолжение футуристической кампании «бросания с парохода современности» признанных литературных и культурных авторитетов (причем бросания буквального – в сценке Пушкин и Гоголь только и заняты тем, что постоянно падают, спотыкаясь друг о друга). С другой – самоирония, в основе которой лежит насмешка Хармса, любящего все классифицировать, над самим собою, а именно – определиться уже, наконец, кто же является его любимым писателем⁶.

Таким образом, постоянный и своеобразный интерес Хармса к культурному пространству вообще и к отечественной литературной классике в частности порождает уникальные тексты, которые таят в себе множество аллюзий как нарочитых, так и не осознанных.

Список литературы

- Герасимова А. Г.* Даниил Хармс как сочинитель: (Проблема чуда) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16.
- Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1984.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1994. Т. 4: Бесы: Роман в трех частях.
- Друскин М. С.* Каким его знаю // Друскин Я. С. Дневники / Сост., подгот. текста, примеч. Л. С. Друскиной. СПб., 1999.
- Кукольник Н. В.* Анекдоты // Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
- Кукулин И. В.* Эволюция взаимодействия автора и текста в творчестве Д. И. Хармса: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Липавский Л. С.* Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс. Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. М., 2000. Т. 1.

⁶ Интересна зарисовка Хармса от 15 декабря 1936 г. «О Пушкине»: «...все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь. / А потому вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе. / Хотя Гоголь так велик, что о нем и писать-то ничего нельзя, поэтому я буду все-таки писать о Пушкине. / Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу» [Хармс, 2000, т. 2, с. 151]. До ажиотажного празднования печального юбилея остается чуть больше месяца.

- Масленкова Н. А.* Поэтика Даниила Хармса (Лирика и эпос): Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2000.
- Сочинения Козьмы Пруткова / Комментар. А. Бабореко. М., 1996.
- Токарев Д. В.* Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М., 2002.
- Флейшман Л. С.* Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса // *Slavic Studies*. 1987. Vol. 1.
- Хармс Д. И.* Собрание сочинений: В 3 т. СПб., 2000.
- Хармс Д. И.* Полное собрание сочинений. Т. 4: Неизданный Хармс. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения к т. 1–3 / Сост. и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2001.
- Хармс Д. И.* Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара, В. Н. Сажина; вступ. статья и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2002.
- Шмидт М. М.* «У абсурдного столько же оттенков и степеней, сколько у трагического...»: Гоголь и Хармс // *Литература в школе*. 2010. № 11.
- Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.

F. A. Kuvshinov

From the notes about D. I. Kharms (Kharms and Gogol)

The paper discusses the possible sources of some well-known works by D. I. Kharms in the context of the works by N.V. Gogol, who was one of the most revered writers of the Russian absurdist. Despite the obvious plot allusions, these works by Kharms were left unnoticed by commentators and researchers of the poet's works. At the same time, frequently the analysis of the texts written by Kharms passes from the sphere of literature proper into that of philosophy and culturology. When reading some of the works of the writer, there occurs a haunting sense of familiarity with a particular text. The works by Kharms often represent a concentration of literary themes and images, in this case of Gogol's ones. It is precisely in the context of Gogol's masterpieces that the texts like «Once I came to Gosizdat...», «There lived two friends in Kiev...», «History of Sdygr Appr.», «Recollections of a wise old man», «One Frenchman was once presented a sofa...» have been «read» all over again.

Keywords: D. I. Kharms, N. V. Gogol, K. Prutkov, F. M. Dostoevsky, chinari, literary tradition.